КИНЖАЛ В СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Сулейманов З.М., Кисловодский гуманитарно-технический институт, г. Кисловодск, Российская Федерация, *info@16aas.arbitr.ru*

В Дагестане, впрочем, как на всем Кавказе, отношение к холодному оружию было особенным в силу многих и разнообразных факторов. В соционормативной культуре дагестанских народов традиционный вид холодного оружия – кинжал занимал особое положение. Это единственный вид оружия, который стал элементом повседневного ношения и, безусловно, его статус, положение было отражено в сборниках адатов. Даже название кинжал – «ханжар» (гъан-кровь в тюркских языках) имеет прямое отношение и к мести, когда кинжал становился орудием убийства и мести канлы (хъанлы – кровник). С учетом этого в статье предпринята попытка определить роль, место и значение кинжала в соционормативной культуре, в том числе и в таких институтах как кровная месть и маслиат, обычного права народов Дагестана.

Ключевые слова: Дагестан, кинжал, кровь, шариат, месть, кровник, наказание суд, судья, доказательство, примирение, обычное право, месть, арест, преступник.

DOI: 10.21779/2224-0241-2017-24-4-43-48

UDC 340.01(470.67)

DAGGER IN THE SOCIO-NORMATIVE CULTURE OF THE PEOPLES OF DAGESTAN

Suleymanov Z.M., Kislovodsk humanitarian and technical Institute, Kislovodsk, Russian Federation, *info@16aas.arbitr.ru*

In Dagestan, however, as in the whole Caucasus to the cold arms had a special relationship. In the socio-normative culture of the peoples of Dagestan, the traditional type of cold weapons – dagger occupied position, this is the only type of weapon that became an element of everyday wearing and, of course, its status, the situation was reflected in the adats. Even the very name of the dagger (gnan-blood in the Turkic languages) has a direct relation to revenge when the dagger became an instrument of murder and revenge. With this in mind, the article attempts to determine the location and position of the dagger in the socio-normative culture of the peoples of Dagestan.

Key words: Dagestan, dagger, blood, sharia, revenge, blood, punishment, court, judge, evidence, reconciliation, customary law, revenge, arrest, criminal.

DOI: 10.21779/2224-0241-2017-24-4-43-48

В повседневном быту народов Кавказа важную роль играла и играет соционормативная культура, которая формировалась тысячелетиями и отразила те особенности, которые были ярко представлены в жизнедеятельности горских обществ: одежде, ремесле, этикете и, безусловно, в обычном праве, в том числе и у народов Дагестана.

Своеобразие физикоклиматических, этнических и конфессиональных условий создало мир, в котором эти условия были отражены не только в легендах, мифах, национальных одеяниях и разнообразных атрибутах, но также в аккумулированном виде в памятниках права народов Азербайджана, Грузии, северокавказских народов и народов Дагестана.

Формирование соционормативной культуры это длительный и сложный процесс, в регулировании которого важную роль играла религия, в данном случае в соционормативной культуре народов Дагестана – это ислам (шариат). Безусловно, влияние канонического права (византийского, мусульманского) на обычное право народов Кавказа было существенным фактором развития правовой культуры в Северо-Кавказском регионе (Дагестан, Чечня, Ингушетия и т.д.).

Касательно особенностей этого процесса, а именно, влияния ислама, в частности, исламского

права, следует отметить то, что в процессе взаимодействия адата и шариата тут сложилась оригинальная система регулирования жизнедеятельности горских обществ – биюридизм. Практически, шариат, мягко адаптируясь к адату, бесконфликтно регулировал правовые взаимоотношения вплоть до первой половины XIX века, то есть до создания Имамата Шамиля, где правовой основой стал шариат, и он стал вытеснять адат, ибо, по мнению имама Гази-Мухаммеда, «...они (судьи) выносят решение по общему или малораспространенному адату. Если же нет (адата), то по своему мнению в пользу или против того, кого пожелают...» [1].

Безусловно, адат и шариат играли важную роль в жизни дагестанского общества. Л.С. Багомедова пишет, что адат и шариат «...представляют особую значимость в силу нравственно-правовых принципов, которые являлись и в некоторой степени являются основой регулирования правовой повседневности...» [2, с. 28]. Поэтому не удивительно, что Гази-Мухаммед заметил: «И ты видишь, как правосудие по адатам отцов распространилось по стране, ввело в заблуждение рабов Аллаха, вошло в речевой обиход и по прошествии времени стало считаться необходимостью, которая не порицается, и обязанностью, которая не изменяется» [1].

Влияние ислама (шариата) было существенным, шариат где-то сузил, а где-то расширил систему наказаний по адатам народов Дагестана за те или иные преступления и проступки.

Л.Р. Сюкияйнен, говоря о взаимоотношении шариата и адата в Дагестане, пишет, что предшественникам Имама Шамиля «... так и не удалось существенно изменить традиционный образ жизни горцев: предписания шариата соблюдались только вблизи резиденции имама, а на остальной территории население продолжало следовать адатам...» [3].

А.Х. Рамазанов заметил, что «... в дела джамаатского землевладения шариатское право пробивалось с большим трудом, а возникающие земельные конфликты между аулами решались на основе старых адатов... Шамиль пытался влиять на эту укоренившуюся систему с целью сделать решение земельных споров более справедливым...» [4, с. 12].

В сборниках адатов часто упоминают использование разного рода предметов: палок, рахас-очажных цепей (цепь над костром, на которой вешали котел. – 3.С.), плетей, нагаек, центрального столба сакли и, конечно, холодного оружия – сабель, кинжалов, ножей и т.д. Кроме того, стоит отметить, что в обычном праве дагестанских народов в качестве доказательства при разбирательстве разных дел, тяжб, конфликтов, воровстве, похищении и т.д. присутствовали ордалии, к примеру, в Бежтинских адатах, описанных М.М. Ковалевским во время одной из командировок в Нагорный Дагестан, в период полевой этнографии в селении Бежта. При описании адатов бежтинцев М.М. Ковалевский приводит интересные сведения об этом институте: «...В старые годы во времена пророков в Дагестане (Мусы, Дауда, Шуайба) существовали три вида ордалии. У Мусы была палка. Виновный не мог дотронуться до палки и уличался ею. У Дауда была цепь над очагом (рахас по-аварски, по-арабски – сил-сиед). Когда виновный хватался за эту цепь, цепь удерживала его руку и тем уличала его. У Шуайба был огонь, в который опускали руки, правдивый мог удержать ее в огне, у виновного же рука сгорала...» [5, с. 96]. Стоит заметить, что палка (посох) и огонь в качестве ордалии выступают в соционормативной культуре многих народов [6, 7, 8]. К примеру, в Русской Правде и других памятниках права упоминается этот институт в качестве доказательства.

В знаменитом энциклопедическом словаре Брокгаузена и Ефрона дано следующее определение ордалий: «...Суд Божий — (*Dei iudicium*), или ордалии (англосакс. *ordal* — приговор, суд) — в средневековом процессе допускался, когда исчерпывались все обыкновенные средства... Ордалиями в тесном смысле называются испытания посредством огня и воды...» [9]. Ордалиям, как одному из видов испытаний была посвящена специальная статья, конечно, были предусмотрены условия применения ордалии [10]: «...Испытанию подвергался обвиняемый, если он не мог опровергнуть обвинение иным способом; ... ордалии, следовательно, имели значение очистительной присяги, но отличались от нее тем, что допускались в более ценных исках, чем присяга ...» [9].

Как видим, этот институт был востребован в судебном процессе и имел важное значение как один из видов доказательства. Можно предположить, что железный прут, палка, очажная цепь и другие предме-

ты, постепенно были заменены другими видами, а именно теми, которые в большей степени имели значение в жизни горцев. Так, у народов Дагестана, особенно с утверждением ислама, ордалии как вид доказательства были заменены на присягу, свидетельские показания и другие виды доказательства. Помимо палок, цепей и т.д., в адатах упоминается предмет, который прочно вошел в повседневную жизнь горцев. В данном случае это – холодное оружие: сабля, кинжал, шашка, меч и т.д., важный компонент (кинжал. – 3.С.) и элемент не только военного снаряжения и повседневного ношения, но и элемент одежды горца (газыри, кинжал. – 3.С.). Кинжал всегда находился при горце, мог быть применен в разных ситуациях – при защите или нападении, как средство нанесения удара, приведшего к ранам, повлекшем тяжелое увечье или смерть. Считаем, что именно с учетом этого появилась необходимость правового регулирования ношения и применения кинжала (во всех статьях сборников адатов речь идет о кинжале. – 3.С.).

Необходимо отметить, что адат четко регулировал ношение, использование и применение кинжала. В отдельных его статьях говорится об оскорбительном действии (ударе) кинжалом. Отметим, что даже вид удара кинжалом – колющего, рубящего, плашмя и т.д. также учитывался в адатах. Они зафиксированы практически во всех сборниках адатов как феодальных владений, так и сельских обществ Дагестана. К примеру, удар плашмя по определенной части тела носил характер оскорбительного действия по отношению к горцу. Тому, то есть виду удара, есть объяснение – в зависимости от удара кинжалом раны заживались по-разному, от рубящего или колющего удара, к примеру, колющий удар мог привести к тяжелейшим последствиям или летальному исходу. В статье 17 Гидатлинских адатов говорится: «...За нанесение раны другому ударом кинжала, нагайки или же каким-нибудь другим предметом и если эта рана достаточна для признания кровной мести, то с виновного взыскивается два котла ...» [5, с. 60]. Удар кинжалом мог приводить к серьезным последствиям: к штрафу либо спровоцировать конфликт.

О применении кинжала говорится не только в адатах, но и в разного рода произведениях, где это действие тоже ориентировано на адатное право. К примеру, в одном из произведений речь идет о применении кинжала и при этом указана причина: в первом случае сомнение касательно супружеской верности, а во втором случае явное нарушение адата, соблюдению которых горцы всегда придавали важнейшее значение. В коллективной работе авторов под руководством академика В.А. Тишкова по соционормативной культуре и практике народов Северного Кавказа, приведены именно эти два сюжета. Первый – это известная дагестанская баллада «Али с гор», где оклеветана молодая жена Али, которому донесли, что его жена раздаривала своим любовникам украшения, подаренные им ей. Прибыв в дом и не обнаружив украшений на жене, Али убивает ее, но узнает от умирающей, что украшения ею спрятаны. В

* В данном случае котел выступает как важная часть хозяйственного быта и стоил очень дорого и играл важную роль в быту дагестанских народов. Еще один момент если очажная цепь выступает в качестве ордалии то котел, который вешал на этот цепь имел не меньшее значение.

«отчаянии, кляня себя, Али ударами кинжала кончает и с собой...» [11].

Во втором сюжете заметна попытка общества ограничить применение мести, во многих судебных актах есть статьи, согласно которым убийство прелюбодеев разрешалось только в случае выполнения целого ряда условий. Во-первых, нужно было заставить любовников на месте преступления. Во-вторых, обманутый муж обязан был либо убить обоих прелюбодеев, или сохранить им обоим жизнь ценой большого штрафа и позора. В своде решений Цекоба читаем: «...Если муж застанет жену и убьет их обоих, то кровь их пропадает, дият за них не взыскивается...» [11]. Как видим, применение кинжала в качестве элемента соблюдения адата пытались регулировать, однако в случае того или иного происшествия необходимы были доказательства.

Кинжал для горца являлся атрибутом повседневным, его визитной карточкой, он был востребован практически всегда и имел не столько практическое (использование в быту, походе и в бою), сколько сакральное значение. Горец никогда не расставался с кинжалом и при необходимости мог использовать его в целях обороны или нападения. Также кинжал применялся при обряде примирения, когда кровник вручал его представителю потерпевшей стороны, который символично срезал пучок волос, демонстрируя прощение кровника, и месть прекращалась. С учетом роли кинжала (сабли) в повседневном и правовом быту есть необходимость рассмотрения его положения, статуса, роли и значения в обычном праве народов Дагестана. Обратимся к адатам, где речь идет о кинжале и его последствиях применения.

В адатах общества Джурмут записано: «Кто только обнажит кинжал – 1 овца. В сел. Корода и Гонода, обнажение кинжала и вообще холодного оружия, взыскивается штраф – 5 рублей серебром».

Об отношении к холодному оружию, роли и значении его в жизни горцев написано немало работ, последняя из них – это книга об оружии народов (аварцев) Дагестана [12]. Оружие, в том числе и холодное, всегда было востребовано в горах Дагестана, о чем говорят артефакты, показывающие уровень развития клинкового оружия в те времена в горном Дагестане. Иной раз находят оригинальные экземпляры, к примеру, в 2014 году в с. Бежта при прокладке водопровода, был найден удивительно красивый и хорошо сохранившийся бронзовый меч.

Второй, но уже железный меч, был найден в районе Бежтинского могильника, он намного длиннее и, видимо, был оружием тяжеловооруженного всадника, что говорит о разнообразии холодного оружия и об определенном уровне развитии дагестанского общества.

В более позднее время в Дагестане появились и кинжалы, они разные и, судя по многим образцам, имели разное назначение. В книге Э.Г. Асватурияц, посвященной оружию кавказских народов пишет, что «...археологический материал по всему Кавказу дает кинжалы с прямым, заточенным с обеих сторон клинком, с прямой рукоятью, заканчивающейся колпачком...» [13].

В другой статье, посвященной символизму оружия на Кавказе, говорится, что «...оружие любого кавказского народа можно смело отнести к объекту материальной ценности и культурного достояния. И

огромную роль среди всевозможных разновидностей оружия играет именно кинжал. И с его ношением и обращением связано немало правил и норм...» [14]. Тут важно то, что именно кинжалу, а не другому оружию придавалось некое сакральное значение: «...долго считалось, что кинжал даже наделен душой. Ему часто приписывали магические, невероятные свойства. Так, дух кинжала останется верным своему хозяину при любых обстоятельствах. И если кинжал достать из рукояти, его могущество возрастет в несколько раз...» [14].

С учетом этого были выработаны правила, регулирующие ношение, применение не только в конфликтных ситуациях, но также в быту. К примеру, если кинжал схватили за рукоятку или вытащили из ножен, то по адатам было предусмотрено определенное наказание в Хваршинском обществе: «Кто в драке обнажит кинжал или другое оружие, обществу платит 2 овцы, а если нанесен удар, то 7 овец. В селениях Муни и Ортоколо: за обнажение кинжала – с виновного 3 меры хлеба...» [5, с. 60].

При применении кинжала уточнялся даже возраст владельца кинжала. «...Как только мальчику исполнилось четырнадцать лет, выходя из дома, он обязан был брать с собой кинжал. Невыполнение этого правила приравнивалось к тому, что мужчина вышел из дома обнаженным. Ношение кинжала – это строго выполняемая культурная особенность региона. Кинжал выступал неким гарантом личной безопасности, повышая чувство собственного достоинства мужчины...» [5, с.60].

Горцы редко доставали кинжал из ножен и, стоит отметить, что кинжал внес определенный вклад в профилактику преступлений, так как если кто-нибудь собирался его использовать, то знал, что и у другого он есть.

Так как тема обращена к обычному праву народов Дагестана, необходимо осветить отношение не только к кинжалу, но и к технологии его изготовления и особенностям его производства. Особенности были, начиная от технологии и заканчивая орнаментом и оформлением кинжала. Это важно с точки зрения того, что обычное право – это выражение материальной и духовной культуры на определенном социально-историческом этапе развития, составляющее феномен правовой культуры [15, с. 27]. Что интересно: специалист сразу может определить мастера изделия, посмотрев на лезвие кинжала. Авторское клеймо обычно ставилось на лезвии кинжала, эта практика действует до сих пор. Каждый мастер имел свой знак графического изображения форм собственности, который ставил на каждом кинжале. В качестве клейма иногда ставилось имя мастера, к примеру, на многих клинках, еще и теперь читается имя автора «Базалай», «Османь» и т.д. Г.Н. Прозрителев в начале прошлого века писал, что «... в Дагестане жил великий мастер, по имени Базалай. Клинок его не имели сравнения, и дамасское оружие не превосходило его клинков. Клинок с именем Базалай ценился необыкновенно высоко, и имя это стало нарицательным для хорошего кинжала...» [16].

По мнению специалистов и коллекционеров, эти имена мастеров свидетельствовали о высоком качестве обработки клинка, и они явились синонимом хорошей работы авторов сабли и кинжала. Подтверждением тому может служить предание о знаменитом

амузгинском мастере, который, увидев торговца, продающего «его» сабли, подошел, взял продаваемую саблю, вытащил свою и разрубил саблю торговца пополам, то есть восстановил статус-кво своего бренда. Следовательно, правовые коллизии были не только в применении кинжала, но также в производстве и продаже.

Данный материал дает представление о вещественных доказательствах при разбирательстве «кинжальных» конфликтов, когда по найденным элементам, о которых написано выше, можно было определить хозяина кинжала – участника конфликта.

О причинах и поводах кинжальных боев писал Э.В. Эрикссон, который удивлялся тому, что ничтожного повода «... иногда бывает достаточно, чтобы люди, только, что сидевшие рядом за дружной беседой, вдруг схватились за кинжалы...» [17]. Далее Эрикссон, выявляя природу конфликтов кровной мести, писал: «... Замысливающий убийство (месть. – З.С.) отлично знает, что по российским законам за такое преступление его отправят на каторгу, но потребность мести так велика, что он делается решительно неспособным противостоять фиксирувавшейся в его сознании идеи и испытывает душевные муки, пока не выполнит то, что хочет и что инстинктивно требует его душа...». Поэтому, по мнению автора, обвинение в трусости и отсутствии самолюбия «... самое тяжкое обвинение и ложится на всю его семью; человек не вытерпит, убьет того, кого считают необходимым убить ...» [17].

Х.Г. Магомедсалихов в качестве примера исходного конфликта и его последствий приводит несколько эпизодов, в которых был применен кинжал: «У нас в Н. Дженгуте, – рассказывает очевидец, – две недели тому назад поссорились на базаре за какую-то мелочь два человека. За то, что один из них назвал другого женщиной, последний при всем народе всадил кинжал другому в левый бок ...» [18, с. 28].

То, что конфликты имели место и приводили к серьезным последствиям, говорится в следующем источнике [19]. Тут речь о конкретной ситуации, когда за прилюдно нанесенное оскорбление ответом был удар кинжала. Некий Хиндалав в ходе конфликта из-за земли убил женщину по имени Айшат, которая, придя на годекан (площадь перед мечетью, где традиционно собирались аксакалы), начала оскорблять Хиндалава. Хиндалав хотел остановить конфликт и просил ее: «Перестань, сестра!». Она не обратила внимания и продолжала опять свое... Хиндалав вытащил кинжал и нанес ей удар по голове и убил ее...» [19]. Что интересно, все это происходило в многолюдном месте, и никто не вмешался. Продолжая недопустимые оскорбления в адрес горца, нанесенные всенародно, женщина спровоцировала Хиндалава к ответной реакции, что и привело к трагедии. Разбирая эту ситуацию, необходимо указать на слабость авторитета старейшин и вину джамаата этого села: во-первых, конфликт имел продолжение и закончился тяжким преступлением; во-вторых, женщина нарушила адат. Традиционно по адату и по шариату тяжбы и конфликты такого рода разрешались с участием отца, мужа, брата, сына; в-третьих, общество оттеснилось от разрешения бытового конфликта. И последнее, в начале конфликта Хиндалав хотел остановить его развитие, обратившись к женщине: «Перестань, сестра!». В Дагестане, да и на всем Кавказе, цена этих

слов очень высока, но в данном случае ценой стала человеческая жизнь. У всех народов Кавказа, все, что задевало честь и достоинство горца, вызывало острую ответную реакцию и часто имело пагубные последствия, о чем наглядно свидетельствует, в том числе и приведенный случай [20, с. 105].

Убийство есть убийство, и это тяжкое преступление, притом на глазах всего общества, но, думаю, среди них нашлось немало лиц, оправдавших поступок Хиндалава. Месть местью, но после смерти этой женщины дети остались без матери, муж без жены, а братья без сестры. Безусловно, даже при таком случае обязательно должен был включиться механизм примирения с обязательным участием всех сторон конфликта.

Есть еще один момент. Можно предположить, что если бы у Хиндалава не было кинжала, возможно, не случилось бы трагедии. Относительно такого поворота событий по адатам народов Дагестана во время избрания старейшин, разбирательства и разрешения конфликта на сход, собрание запрещалось являться с оружием, дабы не провоцировать крайнюю форму разрешения спора или конфликта.

Второй случай описан нами в период полевой эвристики в селах Горного Дагестана. В с. Бежта было совершено убийство на почве ревности.

Суть конфликта 20–30 гг. прошлого века такова, что на годекане некто М., обращаясь к молодой жене, поздравил его, при этом подчеркнув красоту его жены. По кодексу чести горца это считается неэтичным, более того оскорблением. И, как следствие, словесная перепалка, которая в конечном итоге закончилась потасовкой. Разняв драчунов, старейшины сделали внушение о соблюдении горского этикета и адатов, возможно, жених это понял по-своему. В очередной раз, в ходе обыденной беседы на годекане, виновник потасовки в очередной раз начал разговор с недвусмысленной фразы: «Отдай мне свою жену», подписав себе приговор. Однако он не успел закончить фразу, так как муж выхватил из-за пазухи кинжал и нанес смертельный удар – восстанавливая статус-кво по адату, сохранив честь жены и свое достоинство в глазах общества. Событие происходило в тот период, когда советская власть запрещала ношение кинжала, поэтому горец явился на годекан, пряча кинжал за пазуху. Стоит отметить, что мероприятия советской власти по разоружению, а также действие статей Уголовного кодекса РСФСР (ст. 10), где говорилось о преступлениях, составляющих пережитки прошлого, в Дагестане способствовали резкому сокращению конфликтов среди горцев [20, с. 140].

Далее рассмотрим очень важный момент, связанный с институтом кровной мести, вернее, его природой. Основного участника конфликта сразу завели в мечеть, другие отнесли покойного домой. Затем старейшины рассказали отцу обо всем, что случилось досконально, отметив, что это второй случай недостойного поведения его сына, что и привело к страшной трагедии. Отец покойного выслушал и произнес: «Он нашел то, что искал. Перед аллахом и джамаатом нашего села я его прощаю» [21]. После необходимых ритуальных процедур конфликт был полностью исчерпан. Тут, в отличие от первого сюжета, необходимо отметить активную роль джамаата, вернее, старейшин села, которые были свидетелями, затем стали

участниками миротворческого процесса, предупредив эскалацию конфликта в виде кровной мести.

Однозначно, что кинжал действительно применялся, и довольно-таки часто его применение приводило не только к смерти, но и к различным ранам, увечьям, зафиксированным в статьях практически всех сборников адатов народов Дагестана. Фиксировалось не только нанесение удара, но и размер раны, для определения которой были довольно оригинальные способы, к примеру, рану измеряли пальцем. В Кодексе Умма-хана читаем «... рана измеряется пальцами средней толщины в ширину и за каждый палец ширины раны с виновного взыскивается по одной овце. Чем большее число пальцев требуется для измерения раны, тем больше число овец, подлежащих взысканию...» [5, с. 38].

Вторая статья также отличается оригинальностью «... рана измеряется средними пальцами, и за каждый палец в глубину взыскивается одна овца, а за каждый палец в ширину взыскивается половину овцы, если рана зажила без всяких последствий; по мере возрастания числа пальцев увеличивается число овец...» [5, с. 39]. Явно заметно, что наказание, в основном композиционного характера, речь не идет о заключении под стражу, объявления кровной мести, а всего лишь штраф.

Следовательно, на протяжении долгих веков, в силу отсутствия централизованного государства и развитых государственно-правовых институтов, оружие, особенно кинжал, для горца служило средством самозащиты и восстановления поруганной чести своей и своей семьи. Долг личной мести так укоренился среди дагестанцев, что ни одному горцу и в голову не приходило обратиться к кому-либо с жалобой за оскорбление. Так как не дело «... кадия, судей, наiba или начальника смывать нанесенное мне или моему дому оскорбление, – говорил горец, – это мой долг: на

это аллах снабдил меня сердцем, а отец – кинжалом...» [22, с. 187].

Итак, в условиях вышеуказанных причин холодное оружие, в данном случае кинжал как средство самозащиты, было востребовано, – считает Х.Г. Магомедсалихов [20, с. 105].

В целом необходимо отметить, что кинжал в горском обществе играл важную роль системы сдержек и противовесов. Ведь не было в Дагестане горца и даже подростка, у которого не было бы кинжала. Кинжал дарили с рождения, и только повзрослев, он менял его на настоящий кинжал. Это не значит, что в Дагестане часто происходили кинжальные бои и они носили массовый характер, наоборот, наличие кинжала сдерживало горцев от конфликтов и драк. Символично, что именно на кинжалах можно было найти надпись профилактического характера: «Сирота кует кинжал, чтоб делать сирот». Надпись красноречиво напоминала о последствиях мести и его продолжении. В некоторых случаях холодное оружие как элемент примирительного процесса присутствовали даже в обряде примирения. В «Сборнике адатов Шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского» говорится об обряде примирения кровников, где до начала процесса примирения «...со стороны прощенного заблаговременно готовят лошадь, надевают на нее уздечку, седло, обвешивают разным оружием и ставят перед домом пирующих...». Затем по завершении обряда примирения ближайший родственник «... снимает оружие и раздает родственникам убитцы: одному отдает ружье, другому – кинжал, пистолет, шашку, панцирь, пороховницу и пр. ...» [20, с. 281]. Символичен в данном случае статус кинжала, ведь от него погиб кровник и он же выступает как подарок от кровников в знак примирения. Видимо, в этом было заложено некое сакральное значение, ибо орудие убийства стало предметом примирения.

Литература

1. Послание имама Газимухмада. Установление доказательства вероотступничества правителей и судей, судящих по адатам (Икамат-уль-Бурхан ли-иртидад урафа' Дагестан). URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=14&art=561> (дата обращения: 25.11.2017).
2. Багомедова Л.С. К вопросу об особенностях процесса становления и развития государственности и права во второй половине XIX – первой четверти XX века // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т.18. № 2.
3. Сюкийнен Л.Р. Шариат и обычай: проблемы взаимодействия. URL: http://jurant.iea.ras.ru/publications/reindeer_disc/round_table/sukijajnen.html (дата обращения: 25.11.2017).
4. Рамазанов А.Х., Абдуева К.А. Земельно-правовая реформа в Имамате Шамиля // Юридический вестник ДГУ. 2015. № 2.
5. Исмаилов М.А. История государства и права Дагестана: хрестоматия. Ч. I. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2016.
6. Dahn. Studien zur Geschichte der germanischen Gottesurteile. Мюнх. 1857.
7. Pfalz. Die germanischen Ordalien. Лпц., 1865.
8. Patetta. Le ordalie. Турин, 1890.
9. Суд Божий // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XXXII (63). СПб., 1901. URL: <http://www.runivers.ru/gal/gallery.php?ID=451523> (дата обращения: 25.11.2017).
10. Лохвицкий А.В. Суд Божий по русскому праву // Отечественные записки. 1857. Кн. VI.
11. Историко-культурные традиции народов Северного Кавказа: науч.-справ. пособие / под ред. акад. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2013.
12. Военная история аварцев. Оружие народов (аварцев) Дагестана / Х-М. Доного, Ш. Хапизова и С. Касумова. Махачкала: Изд-во «Медиаграф», 2015.
13. Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. История оружия. Москва-Нальчик, 1995.
14. <http://www.alaniatv.com/simvolizm-oruzhiya-na-kavkaze.html> (дата обращения: 25.11.2017).
15. Джамалова Э.К. Анализ влияния институтов обычного права на процесс формирования правовой культуры дагестанцев // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 23. № 3.

16. *Прозрителев Г.Н.* Кавказское оружие (Оружие кавказских горцев). Ставрополь, 1915. 18 с. URL: <http://euingush.com/index.php?newsid=1075> (дата обращения: 25.11.2017).
17. *Эриксон Э.В.* Об убийствах и разбоях на Кавказе // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма / под общ. ред. акад. В.М. Бехерева. Год III-й. Вып. I. С-Петербург, 1906. http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/_russkaja_rasovaja_teorija_do_1917_goda_tom_2/p28.php (дата обращения: 25.11.2017).
18. *Магомедсалихов Х.Г.* Благопожелания и проклятия аварцев: социо-коммуникативные функции, типология // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. №3. Т. 15. С. 27–35. С. 28.
19. *Гасанилав из Гимры.* События начала XIX в. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.84. Л. 17.
20. *Магомедсалихов Х.Г.* Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана (XIX – 30-е гг. XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2010. С. 105
21. Полевой материал с. Безhta (Бежтинский участок РД) 2016 год. Тетрадь №2.
22. *Алиханов М.* В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала, 2005.

References

1. Poslanie imama Gazimukhkhamaada. Ustanovlenie dokazatel'stva verootstupnichestva pravitelei i sudei, sudyashchikh po adatom (Ikamat-ul'-Burkhan li-irtidad urafa' Dagestan). URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=14&art=561> (data obrashcheniya: 25.11.2017).
2. *Bagomedova L.S.* K voprosu ob osobennostyakh protsessa stanovleniya i razvitiya gosudarstvennosti i prava vo vtoroi polovine XIX – pervoi chetverti XX veka // Yuridicheskii vestnik DGU. 2016. T.18. № 2.
3. *Syukiinen L.R.* Shariat i obychai: problemy vzaimodeistviya. URL: http://jurant.iea.ras.ru/ru/publications/reindeer_disc/round_table/sukijajnen.html (data obrashcheniya: 25.11.2017).
4. *Ramazanov A.Kh., Abdueva K.A.* Zemel'no-pravovaya reforma v Imamate Shamilya // Yuridicheskii vestnik DGU. 2015. № 2.
5. *Ismailov M.A.* Istoriya gosudarstva i prava Dagestana: khrestomatiya. Ch. I. Makhachkala: Izd-vo DGU, 2016.
6. *Dahn.* Studien zur Geschichte der germanischen Gottesurteile. Myunkh. 1857.
7. *Pfalz.* Die germanischen Ordalien. Lpts., 1865.
8. *Patetta.* Le ordalie. Turin, 1890.
9. *Sud Bozhii* // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: T. XXXII (63). SPb., 1901. URL: <http://www.runivers.ru/gal/gallery.php?ID=451523> (data obrashcheniya: 25.11.2017).
10. *Lokhvitskii A.V.* Sud Bozhii po russkomu pravu // Otechestvennye zapiski. 1857. Kn. VI.
11. *Istoriko-kul'turnye traditsii narodov Severnogo Kavkaza: nauch.-sprav. posobie / pod red. akad. V.A. Tishkova. M.: IEA RAN, 2013.*
12. *Voennaya istoriya avartsev. Oruzhie narodov (avartsev) Dagestana / Kh-M. Donogo, Sh. Khapizova i S. Kasumova. Makhachkala: Izd-vo «Mediagraf», 2015.*
13. *Astvatsaturyan E. G.* Oruzhie narodov Kavkaza. Istoriya oruzhiya. Moskva-Nal'chik, 1995.
14. <http://www.alaniatv.com/simvolizm-oruzhiya-na-kavkaze.html> (data obrashcheniya: 25.11.2017).
15. *Dzhamalova E.K.* Analiz vliyaniya institutov obychnogo prava na protsess formirovaniya pravovoi kul'tury dagestantsev // Yuridicheskii vestnik DGU. 2017. T. 23. № 3.
16. *Prozritelev G. N.* Kavkazskoe oruzhie (Oruzhie kavkazskikh gortsev). Stavropol', 1915. 18 s. URL: <http://euingush.com/index.php?newsid=1075> (data obrashcheniya: 25.11.2017).
17. *Erikson E.V.* Ob ubiistvakh i razboyakh na Kavkaze // Vestnik psikhologii, kriminal'noi antropologii i gipnotizma / pod obshch. red. akad. V.M. Bekhereva. God III-i. Vyp. I. C-Peterburg, 1906. http://www.uhlib.ru/nauchnaja_literatura_prochee/_russkaja_rasovaja_teorija_do_1917_goda_tom_2/p28.php (data obrashcheniya: 25.11.2017).
18. *Magomedsalikhov Kh.G.* Blagopozhelaniya i proklyatiya avartsev: sotsio-kommunikativnye funktsii, tipologiya // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. 2015. №3. Т. 15. S. 27–35. S. 28.
19. *Gasanilav iz Gimry.* Sobytiya nachala XIX v. // RF IIAE DNTs RAN. F.1. Op.1. D.84. L. 17.
20. *Magomedsalikhov Kh.G.* Konflikty v obshchestvennykh otnosheniyakh gortsev Dagestana (XIX – 30-е гг. XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Makhachkala, 2010. S. 105
21. *Polevoi material s. Bezhta (Bezhtinskii uchastok RD) 2016 god. Tetrad' №2.*
22. *Alikhanov M.* V gorakh Dagestana. Putevye vpechatleniya i rasskazy gortsev. Makhachkala, 2005.

Поступила в редакцию 4 декабря 2017 г.

Received 4 December, 2017